

С.В. Стахорский

Иешуа Га-Ноцри

Центральный персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1928–1940). Образ Иисуса Христа возникает на первых страницах романа в разговоре на Патриарших прудах двух собеседников, один из которых, молодой поэт Иван Бездомный, сочинил антирелигиозную поэму, но с поставленной задачей не справился. Иисус у него получился совершенно живой, а надо было доказать, что его не существовало вовсе, «что все рассказы о нем простые выдумки, самый обыкновенный миф». Этому образу-мифу в романе Булгакова противопоставлен бродячий философ Иешуа Га-Ноцри, каким он является в двух главах «античного» сюжета: сначала во второй — на допросе у римского прокуратора Понтия Пилата — и затем в шестнадцатой главе, изображающей казнь распятого на кресте праведника.

Имя Иисуса Булгаков дает в иудаизированной форме. Вероятным источником послужила книга английского богослова Ф. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа» (1874, рус. перевод — 1885), где писатель мог прочесть: «Иисус есть греческая форма еврейского имени Иешуа, что означает “его спасение есть Иегова”, от Ошеа или Осия — спасение». Там же объяснялось, что «га-ноцери» означает назарянин, буквально — из Назарета.

Образ Иисуса Христа, каким он выведен в романе, содержит множество отступлений от канонических Евангелий. Бродячий философ Булгакова — человек лет двадцати семи (а не тридцати трех), сириец (а не иудей). Он ничего не знает о своих родителях, у него нет родных и последователей, принявших его учение. «Я один в мире», — говорит о себе Иешуа. Единственный человек, проявивший интерес к его проповедям, — сборщик податей Левий Матвей, который ходит за ним с пергаментом и непрерывно пишет, но он «неверно записывает», там все перепутано, и можно «опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время». Наконец, Иуда из Кириафа, предавший Иешуа, не ученик его, а случайный знакомый, с которым завязался опасный разговор о государственной власти.

Образ Иешуа вобрал разные традиции изображения Иисуса Христа, сложившиеся в научной и художественной литературе, но не привязан к какой-то одной, строго определенной. Очевидно влияние исторической школы, нашедшей наиболее последовательное выражение в книге Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863). Однако у Булгакова такая «последовательность», выражавшаяся в «очищении» евангельской истории от всего сказочного и фантастического с позиций ренановской «положительной науки», отсутствует. Нет в романе и противопоставления Иисуса — Христу, сына человеческого — сыну божию (в духе книги А. Барбюса «Иисус против Христа», изданной в русском переводе в 1928 и, надо полагать, известной писателю). На допросе у Пилата и потом, во время казни, Иешуа, может быть, не осознает себя мессией, но он им является (становится). От него приходит к Воланду посол с решением судьбы Мастера и Маргариты. Он высшая инстанция в иерархии света, так же как Воланд — верховный повелитель мира теней. Действующим лицом, объективированным в повествовании, Иешуа показан в последний день своего земного пути, в облике праведника, носителя этического императива добра, убежденного, что «злых людей на свете не бывает», мыслителя, в представлении которого «всякая власть является насилием над людьми» и потому ей нет места в «царстве истины и справедливости», куда человек рано или поздно должен перейти.

Время создания романа приходится на разгар политических процессов, жертвами которых были совершившие «мыслепреступление» (термин Оруэлла), тогда как уголовники были объявлены «социально близкими элементами». В этом временном контексте история осуждения на казнь «мыслепреступника» Иешуа (и освобождения убийцы Вар-

раввана) приобретала аллюзийный смысл. Иешуа уничтожает трусливая государственная машина, но не она является первопричиной его гибели, которая предопределена человеко-ненавистнической идеологией, выдающей себя за религию.